

казачье дело за границей казачья эмиграция вряд ли сможет.

И потому — приказ времени: не творить новые „организации“, а создавать одну. Не искать программных „деталей“, а решать вопросы основные. А основной вопрос у нас, казаков, один: решать казачий вопрос под углом зрения только казачьих интересов и как вопрос сам по себе или — решать казачий вопрос с точки зрения интересов Единой-Неделимой. В первом случае возможно только одно решение — вольноказачье решение казачьего вопроса. Во втором случае — решений, или вернее — попыток решения казачьего вопроса может быть несколько (что в действительности и есть). Став на этот второй путь, можно до бесконечности „варьировать“ свои программы, но, кроме излишней путаницы в казачьем вопросе, ничего другого такое „творчество“ не дает. Вот почему

вольноказачей программе противники наши среди казаков не смогли противопоставить программы же.

Мы намеренно ставим сейчас эти основные вопросы определенно и без недоговоренностей. Ибо — договориться по ним один раз казакам нужно.

Окажется ли казачья эмиграция на высоте требований от нее настоящего исторического момента; найдет ли она в себе столько моральных сил, чтобы в полной мере и во всем объеме поднять на свои плечи стоящие перед ней исторические задачи и еще раз — теперь уже на поле политическом — исполнить свой долг перед своей казачьей Родиной, — на эти вопросы пусть ответит она сама.

Мы глубоко верим, что ответ этот будет утвердительным и словом, и делом.

Шамба Балинов.

К вопросу об иногороднем населении в казачьих краях.

... „Не может быть того, чтобы для здоровья одних людей нужно было губить тела и души других людей; также, как не может быть того, чтобы для здоровья одних людей нужно было пить кровь других“...

Л. Н. Толстой.

8 марта с. г. Казачий Клуб в Париже устраивал доклад на тему: „Отношение между казаками и крестьянами в Казачьих Областях“. Доклад этот предполагалось устроить почти месяц тому назад. Тогда же председатель Клуба просил меня принять участие в прениях по докладу и я изъявил на это свое согласие, но когда точно состоится доклад — не было известно. И только 7 марта, накануне доклада, я из газет узнал, что он состоится 8, а в числе участников собеседования и свое имя. День же этот у меня был занят и я никак не мог принять участия в собеседовании. Кроме того, после выяснения одного обстоятельства, у меня гораздо меньше стало охоты принимать участие в „их“ собеседовании. Оказалось, что Казачий Клуб, устраивая подобные собеседования, своей главной целью ставит — „бить“ самостийников. А когда видишь из журнала „Р. К.“, как некоторые наши противники думают нас „бить“, широко прибегая к помощи беззастенчивой левагогии, лжи и невозможных извращений в своих отчетах чужих слов, то и совсем пропадает охота иметь что либо общего с подобными противниками.

Надо полагать, что на докладе оперировали историческими, статистическими и т. п. данными об иногороднем населении Казачьих Краев, указывали на количественное преобладание „иногородних“, на их враждебное к казакам отношение и на невозможность, по этому, казакам думать и мечтать о свободной, вольной казачьей жизни. „Не до жиру — быть бы живу“, — пишет Н. Мельников.

Все это можно знать и не побывав на их собрании, ибо это — их любимый лейтмотив. И если я пошел бы на собрание, то ни о каких статистиках не стал бы говорить, а сказал бы примерно следующее: прежде чем говорить и обсуждать такие казачьи вопросы, как „иногородний“, необходимо разрешить основной Казачий Вопрос — как мы мыслим будущую жизнь Казачества? Без решения этого вопроса, все наши суждения и разговоры будут походить на работу людей, которые, не заложив фундамента, не воздвигнув стен, стали бы пытаться возвести крышу дома. Ко-

нечно, и крыша существенная часть дома, но все таки строить дом начинают не с крыши...

Иногородний вопрос в Казачьих Краях — большой и сложный вопрос, в недавней борьбе Казачества с большевизмом сыгравший печальную роль. Кроме этого общего вопроса, перед казаками стоит и специальный вопрос о населении городов в Казачьих Краях, которое в огромном своем большинстве неказачье, в руках которого находится вся культурная жизнь Края: торговля, промышленность и прочее. Но обсуждать и решать все эти вопросы можно, имея определенную исходную позицию, т. е. ясно представив себе то положение, те политические условия, при которых эти вопросы будут разрешаться.

Таких основных исходных положений может быть два. Первое — так или иначе зависимое от Москвы положение Казачества, когда казаки будут лишены возможности должным образом отстаивать свои интересы и права, и второе — ни от кого независимое положение Казачества, когда казаки будут решать все вопросы так, как им будет выгодно, когда они будут хозяевами на своей земле.

Вот два исходных положения, исходя из которых можно себе представить возможные решения обсуждаемого сегодня вопроса. Причем, первое, зависимое, положение мыслимо в трех возможных вариациях, т. е. эти вопросы будут разрешаться при существовании определенного политического режима в буд. России. Эти режимы следующие: социалистическо-большевический, как сейчас, буржуазно-демократический и монархический. Других сил, других претендентов на власть в России пока нет. Евразийцев в расчет я не беру.

Нам, казакам, необходимо, освободившись от своей личной симпатии или антипатии к России, трезво посмотреть на дело и ясно представить себе — как будут разрешать эти возможные российские власти казачьи вопросы, в частности и иногородний вопрос. Сделать это нам тем легче, что перед нами свежий опыт, живая практика этих властей, в России уже бывшей и сущей.

Как сейчас при большевическом режиме разрешается Казачий Вопрос, мы все знаем. Это решение ясно и определенно выражено в словах „Всероссийского старосты“ Калинин, который откровенно заявил: „советская власть нравственно обязана рассказывать Казачество, и она его будет рассказывать неумолимо“. А мы все знаем, что у большевиков слово с делом не расходится и они действительно казаков физически

уничтожают. „Там“ Казачьего Вопроса не существует. „Там“ над Казачеством поставили большой красно-черный крест.

Как другие претенденты на власть в России, демократы, будут решать Казачий вопрос, мы также, на основании недавнего нашего опыта, можем себе легко представить. За всю долгую историю России был один короткий миг, когда у власти стояли подлинные русские демократы. И мы хорошо знаем, как эта власть отнеслась к Казачеству. Ведь, ни для кого не секрет, что для русских демократов, тем более социалистов, казаки, это — „царские опричники“, „душители народной свободы“, ненавистное им „военное сословие“, подлежащее немедленному уничтожению. В сущности русские демократы в отношении Казачества должны были делать то же самое, что сейчас делают большевики, только облекая свое „дело“ в более „нежную“ форму: красивыми и громкими словами заглушая казачий стон, разными ухищрениями умеряя физическую боль казака. Большевики к своей цели идут прямым путем, а демократы пошли бы окольными путями. Вот вся разница между ними в отношении к судьбам Казачества...

Большевики расчищают путь демократам: расстреливают, ссылают в далекую Архангельскую губернию, в тюрьмах гноят казаков, а на место их вселяют „своих“. В результате такой „работы“ — на Казачьих Землях с каждым днем казаков все становится меньше и меньше. Как теперь будут действовать русские демократы, если они придут к власти в России? Принимая во внимание искусственно большевиками созданное соотношение сил в Казачьих Краях, как я, например, ставил бы Казачий Вопрос, если бы я был русским демократом? Да очень просто: „что скажет народ, живущий на этой земле? А решение этого „народа“ легко заранее предугадать, ибо этот „народ“ составляется из тех „северных пришельцев“, которые свое счастье строят на несчастьях казаков. Такой постановкой вопроса и таким его решением русские демократы сразу убивают двух зайцев: и демократический принцип будет соблюден и с Казачеством покончено...

Так как раз и ставят русские демократы казачий вопрос, ибо они заранее знают, как он будет решен при такой постановке. Но непонятно поведение тех казаков, которые, желая лучшее будущее Казачеству, заранее соглашались с такой постановкой Казачьего Вопроса и любят ссылаться на то, что казаки на своей земле остались в меньшинстве, призывают внимательно прислушиваться к голосу пришельцев, бережно к ним относиться... Если мы на это пойдем, то никакие „законодательные по местным делам Круги и Рады“ делу не помогут, ибо тогда казачьи вопросы, казачья судьба будут решаться не казаками и не в Новочеркасске или Екатеринодаре, а пришлыми элементами при помощи Москвы...

Вот два положения, при которых казачьи вопросы будут решаться без казаков и против них. Большевики и демократы — враги Казачества, но, так сказать, различного качества: первые оголтелые, действующие голыми руками, ногами, а вторые, демократы, враги более „нежной душевной организации“, будут действовать в белых перчатках, но и те и другие казачью судьбу решают одинаково: смерть Казачеству, „нравственное расказачивание“...

Есть третье зависимое от Москвы положение, при котором будут решаться казачьи вопросы. Это — приход к власти монархистов, возможность чего почти исключается. Почему — не стоит говорить. Но мы на момент поверим в чудо и допустим, что монархисты

придут к власти. И в этом случае казачьи вопросы будут разрешать не сами казаки, а царь-батюшка в Москве.

Если бы не было никакого другого выхода для Казачества, то в решении Казачьего Вопроса предпочел бы монархистов, ибо последние являются до некоторой степени „друзьями“ казаков, правда, казаков не таких, какими мы сами желаем быть, а казаков „царских слуг“, казаков духовно извращенных, обязанных беззаконно служить государю. Но в этом случае казаки все таки будут физически сохранены, будут иметь „жалованные грамоты“, некоторые „привилегии“, останется хоть имя казачье. Так лучше уж будет хоть что нибудь, чем совсем ничего...*) Правда этот строй не будет соответствовать моему политическому настроению, но во имя жизненных интересов Казачества мы обзаны жертвовать своими политическими настроениями.

Таковы три возможные решения Казачьего Вопроса при нашем первом основном положении, т. е. при том или ином зависимом от Москвы положении: первые два решения ставят крест над Казачеством, а третье решение только теоретически мыслимо, имеет ввиду не свободных, вольных казаков, а только „царских слуг“... Но при всех трех решениях сами то казаки совершенно не причем — за них будут делать другие.

Эти три возможные решения Казачьего Вопроса — не простая выдумка, не досужая наша фантазия, не следствие ложно нам, самостийникам, приписываемой ненависти ко всему русскому, а это есть простое констатирование того, что было и есть. Если ныне некоторые казаки „доказывают“, что это так было, но теперь этого не будет, так это их дело. Блажен, кто верует. Но надо иметь ввиду, что иного отношения к Казачеству со стороны русских политических сил не было, нет и сейчас. И нет никакого основания, что подобное отношение в будущем молниеносно превратится в свою противоположность...

Остается второе наше основное положение, когда сами казаки будут решать все свои вопросы так, как им будет полезно, хорошо, не спрашивая никого, т. е. независимое существование Казачества. И мы, самостийники, считаем, что только став на эту позицию, можно более или менее правильно решать казачьи вопросы. Это потому, что при такой постановке все величины решаемой задачи нам известны (конечно, только теоретически, пока мы не добились своей цели).

Исходя из этой нашей основной позиции, мы, самостийники, разрешаем и иногородний вопрос. Сейчас, находясь в эмиграции, мы не можем входить в обсуждение деталей этого вопроса. Нам сейчас важно только установить общий принцип решения этого вопроса и мы его устанавливаем: все коренные жители Казачьих Земель жившие там до 1919 г. включительно и прожившие там до этого не менее двух лет непрерывно, пользуются одинаковыми с казаками правами и несут одинаковые с ними обязанности.

Так кратко формулируем мы наш основной взгляд на этот вопрос. Такое решение вопроса облегчается еще тем, что теперь „там“ между коренными иногородними ясно осознали общность своей судьбы с казаками, признали свою ошибку в недавней борьбе казаков с большевиками. Сейчас „там“ вражда идет не

*) От ред. Автор не принимает в расчет здесь того, что при следующей революции казаков вырезали бы потом до одного, что „счеты“ при последующей революции были бы куда горше, чем при настоящей.

— „Вот, наконец, ясен смысл революции. Да, можно теперь утверждать, что оправдались десятилетние мучения русского народа. Россия устанавливает новую эру человечества. Преступно, непатриотично было бы теперь противиться советской власти. Какая бы она ни была, но она несет свое, новое, русское слово“...

— Так говорит „неизвестный“ — „один из самых талантливых представителей молодой (русской) эмиграции“.

С. Любимов. „Возрождение“ от 23 марта 1931, № 2120.

между казаками и иногородними вообще, как это было раньше, а между казаками и коренными иногородними, с одной стороны, и наплывом новых пришельцев — с другой. Эта вражда более острая, более жестокая, чем бывшая раньше между казаками и иногородними. Это обстоятельство хорошо известно и большевикам. Поэтому коренные иногородние в Казачьих Землях подвергаются гонению почти в одинаковой с казаками мере.

Это положение является хорошим опровержением ссылок тех казаков, которые любят говорить, что при создании Казачьего самостоятельного государства, казакам в первую очередь придется воевать с своими крестьянами. Напрасная боязнь!

Если понадобится, то казаки вместе с коренными иногородними будут бороться против нового наплыва. Но этого бояться нельзя и пусть нам не указывают, что это будет антидемократично, античеловечно. На это мы, отвечаем: люди, строящие свое счастье на ужасной трагедии Казачества, на крови и трупах казаков, не смеют искать убежище и защиту в области морали, этики. С ними казаки имеют моральное право поступить по древнему изречению: „око за око, зуб за зуб“... Но кроме того, мы думаем, что и этой войны не будет, ибо эти люди, чувствующие свой тяжкий грех перед казаками, при первом малейшем колебании положения большевиков в Казачьих Краях, побегут туда, откуда пришли. Так что мы их и не догоним. А что в душе этих пришельцев „кошки скребут“, не подлежит никакому сомнению, ибо в их совести не только

... „единое пятно,

единое случайное завелось“,

но потоком казачьей крови она залита. Эта совесть у них

как молотком стучит в ушах упреком,

И все тошнит, и голова кружится,

И мальчики кровавые в глазах“...

Мы, перефразируя лозунг „Америка — для американцев“, говорим: Казачьи Земли — для казаков и для тех, кто с ними жили и желают жить по братски. С этими последними мы договоримся. Нам бояться их нечего. Пусть наши противники не указывают на множество сложных и трудных внутренних казачьих вопросов, в силу чего, мол, нельзя казакам жить самостоятельно. Все эти аргументы теряют свою силу, если поставишь им вопрос: а что, все эти сложные вопросы при вашей концепции лишаются своей остроты? Нет же! Если при самостоятельной жизни разрешения этих вопросов представляют трудность, то при зависимом от Москвы положении они вовсе неразрешимы с на-

шей, казачьей, точки зрения. Конечно, они разрешатся легко, но без нас, против нас, в ущерб и на погибель казакам.

Так мы, самостийники, определяем свой основной взгляд. Повторяю, если мы желаем обсуждать казачьи вопросы, то прежде всего надо ответить на основной вопрос: хотим ли мы и в дальнейшем оставаться казаками? Очевидно, каждый казак скажет: я родился казак и хочу остаться казак. Раз так, то каждому из нас нельзя ограничиться только этим ответом, а необходимо глубоко призадуматься над современным положением Каз-ва и серьезно проанализировать, продумать и уяснить себе то, что говорит Каз-ву русские политические течения. Нельзя затуманивать казачье сознание ссылкой на несуществовавшую и несуществующую „Нац. Россию“. От того, что над территорией б. Империи водрузили название из четырех букв, не изменилось отношение русских политических сил к Казачеству. Также не изменится это отношение, если четыре буквы заменят двумя словами „Национальная Россия“. Какое бы название люди на досуге не придумывали, власть то над этой территорией, над русским народом будет творить, осуществлять те организованные русские политические партии, течения (в той или иной комбинации, или один из них, как теперь большевики).

Совсем недавно я в одном казачьем журнале прочитал, что казаков на своей земле, в результате страшной большевицкой расправы, осталось очень немного, что на место убитых, расстрелянных, сосланных и изгнанных казаков „масса наплыва хлынула с севера в Казачьи Края“ и водворилась там. Вот почему этот журнал против самостийности. Казачье право на самостоятельность отрицается, обосновывается как будто казачью кровью, казачьими страданиями. По нашему это — подлинное казачье пораженчество, преступное „непротивление злу“. Мы не смеем поклоняться кровавым фактам, мы не смеем отрицать казачье право в силу преступления других. Мы являемся поборниками казачьего права. Это право не зависит от количества. От того, что нас другие расстреливали, ссылали и изгоняли из Родины, наше право не перестало быть правом. Мы об этом своем праве обязаны громогласно кричать на всех перекрестках, всеми своими силами добиваться его осуществления. И, если нам, несмотря на все наши усилия и старания, не удастся осуществить наше право, то мы и умирая должны кричать:

Да здравствует Казачество!

Да здравствует Казакия!

II. Покотыло.

Неудачная осада турками Азова в 1641 году.

(По турецкому источнику).

Взятие Азова в 1637 году донскими и запорожскими казаками и „Азовское сидение“ 1641 года представляет одну из славнейших страниц казачьего прошлого. На страницах казачьей прессы не раз уделялось внимание этому славному событию.

Овладение Азовом было не только дерзким, но прямо таки ошеломляющим делом, изумившим весь тогдашний европейский свет и поразившим весь мир. Могущество блистательной Порты было тогда непреодолимо; перед Турцией трепетал весь христианский свет и одни только казаки презирали военную и политическую мощь султана, достигая того, что даже европейские монархи считали их повелителями Черного моря, как писал король шведский.

Азовская история взбудоражила и Московское царство. В Москве был собран даже специальный Земский Собор для решения этого вопроса. Москва тогда была еще слаба и боялась турецкого могущества, казачье предложение было отклонено, в Азов не было выслано стрелецких подкреплений и казаки добровольно ушли в свои городки, не оставив в Азове камня на камне...

Изданный в Москве „Сборник государственных гра-

мот и договоров“ в 3-ем томе содержит богатейшие материалы об Азовском деле, где между прочим упоминается о колоссальной численности турецких войск, осаждавших Азов в 1641 году. Историки сомневались, чтобы турки действительно двинули против горсточку казаков столь многочисленную армию и флот, однако турецкий участник блокады Эвлия-Эфенди в своей „Истории путешествия“ подтверждает это...

Его труд еще не использован при описании Азовского сидения. Разумеется, при точке зрения фанатического мусульманина многие подробности его рассказа представляются в превратном виде. Часто в нем говорится оскорбленная гордость военного османа и нескрываемое презрение к гнурам-казакам, но тем не менее это есть вернейшее свидетельство казачьей доблести. В глазах умеющих читать между строк и проходить мимо предвзятостей автора его повествование приобретает особенную ценность.

Прежде чем приступить к изложению описания (в переводе с английского) не безинтересно будет ознакомиться с личностью самого автора.

Эвлия-эфенди — дипломат, купец и знаменитый пу-